

МИХАИЛ Ю. ФЕДОСЮК

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР РУССКОЙ РЕЧИ ДО И ПОСЛЕ ПЕТРА I

Одна из актуальных проблем современной лингвистики, входящая в круг научных интересов З.Л. Новоженовой и ее учеников, – это проблема взаимных связей между текстом и культурой. Следствием обращения кафедры восточнославянского языкознания и переводоведения Гданьского университета к данной проблеме стало проведение международных конференций под названием *Текст как культура. Культура как текст*, а также выпуск одноименных научных сборников. «Как известно, – пишут З. Новоженова и Т. Кананович во вступлении к одному из таких сборников, – в «традиционной» лингвистической интерпретации природа текста определяется на основе его внутритекстовых – грамматических и структурных – критериев. Текст в этом случае представляет собой когерентную последовательность предложений, связанных в единое целое грамматическими соединительными средствами, обладающее относительной тематической завершенностью. На определенном этапе развития неудовлетворенность формально-структурной парадигмой, как известно, привела теорию текста к включению в изучение текста функционально-коммуникативных параметров, а также к привлечению для установления сущности текста таких понятий, как контекст и среда. (...) В понятие среды относительно текста может также включаться культура. Это привело к осознанию факта включенности текста в культуру, а также и обусловленности сущностных характеристик текста культурой» [Новоженова, Кананович 2016: 12].

В данной статье я обращусь к одному из аспектов проблемы взаимосвязи между текстом и культурой – вопросу о характере исторических изменений эпистолярного жанра русской речи и о культурной обуслов-

ленности этих изменений. Подчеркну, что речь в данном случае идет именно об эпистолярном жанре, а не об эпистолярном стиле. Речевые жанры, по определению М.М. Бахтина, – это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1996: 164] (следует иметь в виду, что бахтинскому термину *высказывание* соответствуют более современные термины *речевое произведение* или *текст*). В то же время под термином *стиль* в словосочетании *эпистолярный стиль* подразумевается лишь «совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-либо писателя, произведения, жанра» [Розенталь, Теленкова 1976: 469].

Возможно, редакторов данного сборника несколько удивит нижеследующий фрагмент этой статьи, однако мне представляется совершенно уместным начать свои рассуждения с типичного образца современного эпистолярного жанра русской речи – письма-приглашения к участию в этом сборнике, полученного мною от его составителей:

Mikhail Fedosyuk

От: Tatiana Kananowicz [tatiana.kananowicz@ug.edu.pl]
Отправлено: 18 апреля 2017 г. 23:14
Кому: m.fedosyuk@mail.ru
Тема: юбилейная монография Зои Леонидовны
Вложения: требования_к_оформлению.docx

Уважаемый Михаил Юрьевич!

Не так давно Вы согласились поучаствовать в создании юбилейного сборника нашей Зои Леонидовны, надеюсь, Вы не передумали :) Буду очень благодарна за подтверждение, а в приложении отправляю требования к оформлению статьи в сборнике, который будет называться "Порядок слов. Стиль. Текст. Дискурс". Срок подачи статьи – до 1 сентября.

С наилучшими пожеланиями,
Татьяна

Нетрудно заметить, что по способам создания и доставки адресату это письмо не соответствует давним традициям эпистолярного жанра: оно не написано на бумаге, а набрано на компьютере и переслано при помощи не обычной, а электронной почты. Нетрадиционны и некоторые элементы его оформления: имя и фамилия адресата в заголовочной строке; наличие граф *От*, *Отправлено*, *Кому*, *Тема* и *Вложения* в начале письма; использованный в его тексте «смайлик» :) , означающий улыбку.

Вместе с тем трехчастная композиция письма, состоящая из зачина – обращения *Уважаемый Михаил Юрьевич!*, информационной части – напоминания о согласии принять участие в сборнике и концовки, включающей, во-первых, этикетное выражение *С наилучшими пожеланиями*, а во-вторых, имя адресанта *Татьяна*, настолько традиционна [Акишина,

Формановская 1981; Акишина 1982; Матвеева 2003; Протопопова 2003; Шмелева 2003], что кажется, будто бы такая композиция существовала всегда.

Однако, обратившись к истории эпистолярного жанра русского речи, легко убедиться, что это впечатление ошибочно. В качестве древнейшего источника сведений об эволюции этого жанра мы можем рассматривать древнерусские берестяные грамоты – найденные во время археологических раскопок тексты, выцарапанные на коре березы. Время создания берестяных грамот – XI–XV вв. Первая из таких грамот была найдена в 1951 г. в Великом Новгороде – городе, где к настоящему времени было обнаружено уже более тысячи берестяных грамот. Однако впоследствии берестяные грамоты обнаруживали и в других городах: Старой Руссе, Торжке, Смоленске, Пскове, Твери, Москве, Старой Рязани, Витебске и Мстиславле (Белоруссия), Звенигороде Галицком (Украина) [Янин 1998; Янин (ред.) 2003; Зализняк 2004; *Древнерусские берестяные грамоты*].

Тексты берестяных грамот дают возможность судить о характерной особенности композиции древнерусских писем, непохожей на современную структуру произведений эпистолярного жанра. В подавляющем большинстве случаев древнерусские письма состоят из двух частей: зачина, в котором обозначены отправитель и адресат письма, и информационной части. При этом в одних случаях зачины содержат лишь имена отправителя и адресата (например, *От Якова к Ивану; От Есифа к Онфиму*), тогда как в других – сообщают о том, что отправитель шлет адресату поклон или наказ (*Поклон от Петра Марье; Наказ от Матфея Марку и Савве*) либо бьет ему челом (*Челобитье господину посаднику новгородскому Ондрею Ивановичу от твоего ключника Вавулы и от твоих крестьян*).

Приведем несколько примеров. Все они почерпнуты с сайта [*Древнерусские берестяные грамоты*] и даются в переводе на современный русский язык. Зачины всех приводимых здесь и в последующем тексте данной статьи писем выделены курсивом.

От Бориса к Настасье. Как придет эта грамота, пришли мне человека на жеребце, потому что у меня здесь дел много. Да пришли рубашку – рубашку забыл. (грамота № 43);

«Поклон от Карпа господину моему Фоме. Я был, господин, на Пустоперже, разделил рожь с Олексой и с Гафанком (Огафанком). Не много, господин, ржи [пришлось] на твою долю – два овина четвертного оброка; а Пянтелик видел сам (т. е. тому свидетель). (грамота № 23);

Наказ от попадѣи попу. То, что у тебя произошло, дошло до Онании, и теперь это разносит Кюрьяк. Так что позаботься об этом. (грамота № 538);

От Микиты к Анне. Пойди за меня – я тебя хочу, а ты меня; а на то свидетель Игнат Моисеев. (грамота № 377).

О том, что здесь мы видим не какую-то локальную (например, новгородскую), а общую для Древней Руси традицию составления писем, свидетельствует, во-первых, то, что рассмотренную двухчастную композицию имеют грамоты, обнаруженные археологами в разных регионах страны, а во-вторых, то, что та же композиция характерна и для сохранившихся до нашего времени писем, написанных на пергамене или бумаге. Поскольку до XVII в. пергамен и бумага были довольно дороги, тексты, написанные на этих материалах, – это преимущественно письма делового, а не бытового характера.

Древнерусские грамоты, написанные на пергамене или бумаге, нередко бывают пространнее берестяных грамот. Однако, как и берестяные грамоты, они состоят из зачина с указанием отправителя и адресата и информационной части. Вот, например, перевод на современный язык грамоты, составленной в 1294 г. от имени новгородского князя Андрея Александровича (сына Александра Невского). Она удостоверяет полномочия послов, направленных князем в Ригу и Таллин:

От великого князя Андрея, от владыки благословение, от посадника Андрея, от тысяцкого, от всего Новгорода к людям короля в Колывань, которые присылали послов к князю и ко всему Новгороду с любовью и лаской. Князь великий послал к вам своего сына и вашего племянника Владимира, а от Новгорода Кузьму и Илью с любовью и лаской. Что будут говорить послы великого князя и новгородские, тому веру имейте. Послы нашими устами говорят с вами [Обнорский, Бархударов 1999: 68–69].

А вот грамота конца XIV в., написанная от имени вдовы полоцкого князя Андрея, которая отправила на продажу в Ригу беличьи шкурки:

От княгини Андреевой и от ее детей, от князя Семена, от князя Ивана ко всем ратманам и ко всем купцам, что Федор Сорочков привез белку из Полоцка и оставил ту белку у Федька, а это белка наша. Отдайте нашу белку. А мы велели продать ту белку Проньку да Кольцу [Обнорский, Бархударов 1999: 151–152].

Мало изменилась композиция писем и в XVI в. Об этом свидетельствует, например, переписка Ивана Грозного с опричным думным дворянином Василием Грязным. Оказавшись в плену в Крымском ханстве, Грязной писал Ивану Грозному письма с просьбой выменять его на находившегося в московском плену крымского хана Мурзу Дивея, однако получал отказы. Зачины писем Грозного и Грязного похожи на зачины древнерусских берестяных грамот. Вот начало одного из писем Ивана Грозного Василию Грязному (1574 г.). При публикации этого письма, сделанной в 1924 г., очевидно, в силу особенностей той эпохи, в нем была сохранена орфография подлинника, однако с опущением ъ и с заменой букв і, ѣ, ѳ на их современные эквиваленты.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному Ильину. Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон – ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати; а уж заехано – ино было не по обѣзному спати: ты чаял, что в обѣзд приехал с собаками за заицы – ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. (...) [Обнорский, Бархударов 1999: 261].

Аналогичную композицию имели и частные официальные письма – челобитные, содержавшие просьбы, жалобы или доносы, адресованные в государственные учреждения или царю. Иллюстрацией сказанного может служить приводимый ниже фрагмент челобитной, которую известный писатель и государственный деятель XVI в. Иван Пересветов адресовал Ивану Грозному (в примере сохранена орфография цитируемой публикации):

Государю благовѣрному великому царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Русіи бѣет челом государев холоп твои государевъ Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова, чтобы еси, государь, пожаловал холопа своего, велѣл службишка посмотреть. Коли есми выѣхалъ на твое имя государево, і вывезъ есми образец тое службы къ тебѣ, к государю; і тотъ образец службы моей перед тобою, пред государемъ клали. І ты, государь, образцы службы моей смотрил, і Михайлу Юрьевичю меня, холопа своего, приказал, і образецъ службы моей Михайлу же далъ. І Михайло Юрьевичъ, образца посмотривъ, и тебѣ, государю великому царю, службу мою похвалилъ, и тебѣ государю, обо мнѣ печаловал. (...) [Обнорский, Бархударов 1999: 258].

Описанная композиция русских писем сохранялась до эпохи Петра I. Однако письма Петра I в своем большинстве имеют уже другую, трех-частную структуру, аналогичную современной. В их зачине содержится обращение к адресату и иногда также приветствие, далее следует информационная часть, а затем концовка с этикетным пожеланием, подписью адресанта и сведениями о месте и времени написания письма. В неофициальных письмах концовка может также содержать приветы родным. Приведем несколько примеров. Зачины и концовки в них выделены курсивом.

[Къ Ѳедору Матвеевичу Апраксину. (1691 октября 15)]

Ѳедоръ Матвѣевичъ.

Противъ сего пятагонадесять числа въ ночи, въ шестомъ часу, князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своя раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселися въ вѣчныя кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти. *Посемъ здравствуй. Писавый Petrus* [Письма и бумаги... 1887: 14–15].

[Къ царю Іоанну Алексѣвичу. (1694 іюня 14)]

Превозлюбленной мой государь батко і братецъ царь Іоаннъ Алексѣвичъ.

*Здравствуй на многие лѣта со сажителницею своею, а моею государынею невѣст-
ушкою, и съ рождениемъ.*

А которая, государь братецъ, было завещание прошлаго году о поклоненіи
мощей чюдотворцевъ Зосима і Савватія, і нѣкакимъ случаемъ того обещания
не снесъ, а ныне соизволениемъ Божиимъ тотъ залогъ содержалъ, і будучи во
обители і раки ихъ чюдотворцевы видитъ сподобился, і отгуды во всякомъ
здравіи, за ихъ святыми молитвами і поспешениемъ Божиимъ, доехалъ до
Города іюня въ 13 день, слава Богу, во всякомъ здравіи со всѣми будущими со
мною. І для сей вѣдомости, яко ко отцу і брату, посылаю ведомость.

*Да прошу, братецъ, милости: пожалуй, прикажи отдать поклонъ тетке и матери,
государыне царевне Татіане Михайловнѣ, потомужъ невѣске і сестрамъ, что слава
Богу живъ.*

А о караблѣ еще подлинной вѣдомости нѣтъ, і буду дожидатца у Города.

Засимъ здравствуй, государь братецъ.

Petros.

Отъ Города, 14-го дня, во 12 часъ дня, мѣсяца іюнія [Письма и бумаги... 1887: 21–22].

Примерно такую же структуру имеют и более поздние по времени
письма Петра I к его жене Екатерине Алексеевне, впоследствии императ-
рице Екатерине I, и находившейся при ней придворной даме Анисье
Кирилловне Толстой (Екатерину Петр называет маткой, а Толстую –
теткой):

[Из Жолкни, в 8 д. января 1707 г.]

Госпожи тетка и матка! Письмо ваше, въ которомъ пишете о нововыѣзжей
Катеринѣ, я принялъ, слава Богу, что здорово в рожденьи матери было, а что
пишете къ миру (по старой пословицѣ), и ежели такъ станетца, то мочно
больше раду быть дочери, нежели двумъ сынамъ. О пріездѣ вашемъ я уже
вамъ говорилъ и симъ письмомъ также подтверждаю: пріѣзжайте на Кіевъ не
мѣшкавъ; из Кіева отпишите, а не отписавъ не ѣздите, для того, что дорога от
Кіева не очень чиста. При семъ посылаю подарокъ матери и съ дочерью.

Piter. [Царица Екатерина Алексѣевна... 1880: 754].

[Из Вильны в 29 д. января 1708 г.]

Тетка и матка сама друга! (а скоро будетъ и сама третья!) Здравствуйте, а мы,
слава Богу, здорово. Письмо ваше купно и съ презентомъ принялъ, и за оныя
благодарствую, а что пишете, чтобъ къ вамъ всегда добрыя вѣдомости писать,
и то я отъ сердца рад, да какіе Богъ дастъ. Я чаю, что сіе мое письмо вамъ при
самомъ времени выѣзда Ганскина из Кельдера достанется, о чемъ зѣло
слышать желаю, что дай Боже в радости не только слышать, но и видеть.

О ѣзде вашей въ Питербурхъ еще не могу писать, понеже непріятель близится, и не знаемъ еще куды его обороты будутъ, о чемъ немедленно буду писать, увидѣвъ время куды вамъ быть, понеже гораздо без васъ скучаю. Еще жъ объявляю свою нужду здѣшнюю: ошить и обмытъ некому, а вамъ нынѣ вскорѣ быть, сами знаете, что нельзя. А здѣшнимъ повѣрить боюсь Екимовой (sic) причины, того ради извольте то исправить, о чемъ вамъ донесетъ доноситель сего письма. За симъ предаю васъ в сохраненіе Божіе и желаю васъ в радости видѣть, что дай, дай Боже! Прошу отдать должной поклонъ сестрѣ.

На частыя письма для Бога не подивуйте, истинно недосугъ.

Piter. [Царица Екатерина Алексѣевна... 1880: 754–755].

В дальнейшем рассматриваемая структура письма стала для русского эпистолярного жанра нормативной, о чем убедительно свидетельствуют издававшиеся в России с XVIII в. письмовники – руководства для писания писем с образцами переписки как личного, так и делового характера. Вот что сказано о структуре письма в вышедшей в Санкт-Петербурге в 1811 г. книге под названием *Всеобщій секретарь, или Новый и полный письмовник*:

Особенныя части письма суть: вступленіе, рѣчь, или разговоръ, и заключеніе.

Вступленіе обыкновенно содержитъ нѣкоторое не большое привѣтствіе, чтобъ войти въ благосклонность къ тому, къ кому пишемъ, и представить о томъ, что надобно; однакожъ не употребляется оное, кромѣ большихъ писемъ и содержащихъ дѣла нужнѣйшія, а въ прочихъ прямо вступаемъ въ матерію.

Рѣчь, или разговоръ письма различенъ в разсужденіи матеріи, какая употреблена будетъ. Въ немъ обыкновенно никакого порядка не наблюдаютъ; но поступаютъ со всякими вещами, какъ онѣ на мысль придутъ, без большаго попеченія о союзѣ, что в отвѣтныхъ письмахъ, въ коихъ слѣдуютъ порядку техъ дѣлъ, на которыя отвѣствуемъ; а приступаютъ к дѣлу просто, когда переходятъ совсемъ в особливую отъ упоминаемой матеріи.

Въ заключеніи письма есть обычай изъявлять свое усердіе, оказывать желаніи и приносить нѣкоторое прошеніе к Богу о благополучіи того, къ кому пишемъ [*Всеобщій секретарь*... 1811: XXVII–XXVIII].

Что послужило причиной происшедшего при Петре I изменения эпистолярного стиля русской речи? Можно предполагать, что это изменение – одно из следствий петровских реформ, ориентированных на внедрение в Россию норм культуры Западной Европы. О том, что новая структура письма на русском языке копирует нормы эпистолярного жанра, принятого в Западной Европе, свидетельствуют, как минимум, два факта.

Первый из них – это то, что новые элементы зачинов и концовок деловых писем Петр I нередко писал по-нидерландски (правда, переда-

вая при этом фонетику, а не орфографию нидерландского языка, по-видимому ему неизвестную). Многие письма Петра начинаются обращением *Min Her* (ср. нидерландское *mijn heer* «мой господин») и оканчиваются подписью *Peter*. Приведем примеры:

[Къ Ѳедору Матвѣвичу Апраксину. (1694 въ сентябрѣ)]

Min Her Guveneur Archangel.

Понеже единымъ нынѣшнимъ писмомъ, сентября 3 дня писаннымъ, насъ уведомить изволилъ, въ которомъ о бещинствѣ Галанскихъ капитановъ объявляете, что они въ устьѣ Двинскомъ взяли два карабля, и объ томъ требуете рѣшенія: какъ съ ними поступать? И объ томъ соотвѣтствую, что никакъ попусти сему быть, понеже сіе дѣло зѣло срамно есть, и нигдѣ въ пристанищахъ пріѣзжіе такой воли не имѣютъ; а хотя и непріятелей увидятъ, и ихъ стерегутъ на морѣ, а не въ устьѣ. И о томъ, что учинишь, изволь увѣдомить.

Piter [*Письма и бумаги...* 1887: 26].

[Къ Петру Ивановичу Гордону. (1695 іюня 21)]

Min Her General.

Вчерашнего дня увѣдомеся мы о переправѣ вашей черезъ Донъ отъ казаковъ изъ Черкаского на Голубые коньми, а зъ Голубыхъ на Паншинъ водою ѣдущихъ, где и, встрѣтєся съ нами, оное сказали. И того ради господинъ нашъ генераль приказали мнѣ писать къ вашей чesности, чтобы изволили, осмотря мѣсто, паче же пристанъ удобнѣйшую, гдѣ бы лутче и безопаснѣи людемъ, паче же алтиллеріи, которой о величествѣ самъ вѣдаешъ, для которого дѣла удобно есть, дабы оное описаѡ и съ нарочетымъ человѣкамъ въ встречу намъ прислать, дабы черезъ письмо, такожде и черезъ слова посланного удобнѣи въ томъ дѣлѣ выразумѣѡ, поступать могли. А мы идемъ Дономъ съ великимъ поспѣшеніемъ днемъ и ночью.

Piter.

Іюня въ 21 день 1695 [*Письма и бумаги...* 1887: 33–34].

И второй факт. Понимая, что его матери, царице Наталии Кирилловне, ближе старые нормы русского эпистолярного стиля, в зачинах писем к матери Петр использовал именно старые, а не западные нормы. Например:

Всєлюбєзєнєйшей і пачє живота телєсного дражайшей моей матушькє, гасударыни царицє і великой княгинє Наталиі Кириловнѣ, сынишъка твой, в работє пребывающей, Петрушка благосъловєнія прошу, а о твоєм здравіи слышетъ жєлаю. А у нас молитвами твоіми здорово все; а озеро все вскрылось сєго 20-го числа, и суды все кромѣ болшого коробля в одделкє, тол(ко) за канатами станєтъ, і о томъ милости прошу, чтопѣ тѣ канат(ы) по семисотъ сажєнъ ись Пушкарского приказу не мешкѡє присланы были; а за ними дѣло станєтъ, и житѣє наше продолжитца. По сємъ паки благословєнія прошу.

Изъ Переславля, апреля 20 д. 1689 [Письма и бумаги... 1887: 11].

«Вседража(й)шей моей матушкѣ недостойноі Петрушка, благословения прося, челомъ бью и за присылку з дохтуромъ и з Гаврилою, яко Ной иногда о масличномъ сукѣ, радуюся і паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоіми здорово, і суды удались всѣ зело хороши. По семъ дай Господь здравия души і телу, як(о)же азъ желаю. Аминь.

Изъ Переславля, іуня в 8 д.

А масътер карабелной Кортъ іуня въ 2 д. умъре до нашего приезде за дватцать за дватцать за два часа» [Письма и бумаги... 1887: 12].

Подводя итоги, следует отметить, что нормы современного эпистолярного жанра русской речи значительно отличаются от норм русского эпистолярного жанра, существовавших до XVII в. Современные нормы сформировались на рубеже XVII и XVIII вв. под влиянием структуры писем на языках Западной Европы. Происшедшее в этот период изменение эпистолярного жанра русской речи явилось одним из следствий реформ Петра I, направленных на внедрение в Россию норм западной культуры. И хотя в XIX и XX вв. русский эпистолярный жанр продолжал свою эволюцию, состоявшую в постепенном отказе от архаичных формальных норм эпистолярного этикета [Федосюк 1998], коренных изменений в послепетровскую эпоху этот жанр все же не претерпел.

Литература

- Акишина А.А., 1982, *Письмо как один из видов текста*, «Русский язык за рубежом», № 2, № 4.
- Акишина А.А., Формановская Н.И., 1981, *Этикет русского письма*, Москва.
- Бахтин М.М., 1996, *Проблема речевых жанров* [в:] М.М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 5, Москва.
- Всеобщій секретарь, или Новый и полный письмовникъ*, 1811, ч. 1, Санкт-Петербургъ.
- Древнерусские берестяные грамоты*, <http://gramoty.ru/> (доступ: 4.07.2017).
- Зализняк А.А., 2004, *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Матвеева Т.В., 2003, *Письмо 2* [в:] Т.В. Матвеева, *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика*, Москва.
- Новоженова З., Кананович (Синявская-Суйковска) Т., 2016, *Вступление* [в:] Z. Nowożenowa, T. Kananowicz (red.), *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst. Текст как культура. Культура как текст*, т. 2, Gdańsk.
- Обнорский С.П., Бархударов С.Г., 1999, *Хрестоматия по истории русского языка*, ч. 1, Москва.
- Письма и бумаги императора Петра Великого*, 1887, т. 1 (1688–1701), С.-Петербург, <http://bookre.org/reader?file=734128> (доступ: 12.07.2017).

- Протопопова О.В., 2003, *Эпистолярный жанр* [в:] М.Н. Кожина (ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976, *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва.
- Федосюк М.Ю., 1998, *Развитие презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата как ведущая тенденция эволюции стилей русской речи XX века* [в:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка, Nowe elementy teorii i praktyki opisu i dydaktyki nauczania języka rosyjskiego*, Warszawa.
- Царица Екатерина Алексеевна, супруга Петра Великого в 1707–1713 гг., 1880, «Русская старина», т. 28, <http://www.runivers.ru/upload/iblock/11f/russkaya%20starina%2028.pdf> (доступ: 12.07.2017).
- Шмелева Т.В., 2003, *Письмо 1* [в:] Л.Ю. Иванов, А.П. Сковородников, Е.Н. Ширяев (ред.), *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*, Москва.
- Янин В.Л. (ред.), 2003, *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*, Москва.
- Янин В.Л., 1998, *Я послал тебе бересту...*, Москва.

Epistolary Genre of Russian Speech before and after Peter the Great Summary

The article shows that norms of epistolary genre of modern Russian speech differ significantly from norms of Russian epistolary genre that existed before the 17th century. Modern epistolary norms were formed at the turn of the 17th and 18th centuries under the influence of the structure of letters written in languages of Western Europe. The change in the epistolary genre of Russian speech that occurred during this period was one of the consequences of Peter the Great's reforms aimed at introducing the norms of Western culture into Russia.

Gatunek epistolarny w Rosji przed i po Piotrze Wielkim Streszczenie

Artykuł pokazuje, że normy gatunku epistolarnego, obowiązujące we współczesnym języku rosyjskim, różnią się znacznie od norm rosyjskiego gatunku epistolarnego, które istniały przed XVII wiekiem. Nowoczesne epistolarne normy powstały na przełomie XVII i XVIII wieku pod wpływem struktury listów pisanych w językach Europy Zachodniej. Zmiany, które zaszły w tym okresie, były jednym ze skutków reform Piotra Wielkiego, mających na celu wprowadzenie do Rosji norm kultury zachodniej.